

ставлений относительно застойности Византии и считает своей задачей выяснить те конструктивные явления («средства и методы») в комниновской империи, которые позволили преодолеть кризис XI в. (стр. 2). В соответствии с этим основная часть работы распадается на два раздела: первый посвящен тому, что Хольвег называет «семейной политикой» Комнинов, и связанному с этим вопросу о реформе титулатуры; второй — армии и флоту.

Хольвег подчеркивает, что при Комнинах высшие административные посты были сосредоточены в руках императорской родни (стр. 15 и сл.); этому же принципу соответствовала и реформа титулов, цель которой состояла в том, чтобы поставить членов фамилии василевса выше ординарных чиновничьих разрядов (стр. 36). «Новая система титулов,— говорит Хольвег,— привела к ослаблению строго бюрократической централизации с ее неподвижной табелью о рангах» (стр. 39). Такая оценка административной политики Комнинов, кстати сказать, совпадает с теми тенденциями, которые наметились в последние годы в нашей историографии¹⁸. При этом автор (вслед за Беком) делает любопытное наблюдение: в правлении Андроника I был осуществлен прямо противоположный принцип — этот император расправлялся со своей родней (стр. 33). Тем самым Хольвег делает еще один шаг в понимании социальной природы власти Андроника. Ангелы также не вернулись к «семейной политике» (стр. 34); подобно Андронику, они осуществляли докомниновские тенденции.

Изучение византийской армии и флота в XII в. (точнее говоря, их командного состава, ибо именно этому посвящена вторая часть книги Хольвега) приводит автора к выводу, дополняющему его наблюдение за «семейной политикой». Командные должности имели значение не как таковые, а в зависимости от личного влияния занимавшего их вельможи — человек выполнял ту или иную функцию не в соответствии со своим номинальным постом, а согласно близости к престолу (стр. 101, 103, 133 и сл. и особенно 157). Впрочем, нужно еще показать, что подобный принцип был действительно введен Комнинами, а не существовал в предшествующие столетия...

По сути дела, оба наблюдения Хольвега ведут к признанию «патримониализации» государственного аппарата Византии при Комнинах. К сожалению, автор не затронул других сторон византийского административного устройства, что позволило бы ему ярче обрисовать этот процесс. Уже Зонара отметил нарастание патримониальных принципов в управлении; он писал, что Алексей I выполнял свои функции не как общественные или государственные, что он видел в себе не управителя, а господина и считал империю собственным домом (*Zonaras*, III, p. 766. 12—16). Приобретают огромное значение специфически дворцовые должности. Хольвег говорит об одной из них — должности конюшего (протостратора) (стр. 111 и сл.), но следовало бы вспомнить о спальничьем, стольнике, кравчем (пинкерне) и т. п. Патримониальные тенденции обнаруживаются и в замысле Иоанна II выделить своему младшему сыну значительный удел на востоке империи (*Cinnamus*, p. 23. 1—5). В это же время старые разветвленные секреты были упрощены и подчинены власти одного вельможи — логофета секретов, которого Киннам (*ibid.*, p. 141. 12—13) сравнивает с канцелярием Сицилийского королевства.

Следовательно, основная мысль книги Хольвега находит подтверждение и в материале, им не использованном. Можно было бы, однако, пойти дальше: в книге не поставлен вопрос о социально-экономической базе административных реформ Комнинов: глухо и мимоходом говорит автор об основании новых городов (стр. 88)¹⁹ — вопрос о союзе Комнинов с горожанами заслуживает специального рассмотрения. Еще более существенны в данной связи наметившиеся с XI в. тенденции византийских василевсов к расширению домена домашнего хозяйства²⁰, что, кстати сказать, прекрасно совпадает с тенденцией к патримониализации аппарата.

В этой связи нуждается, мне кажется, в пересмотре утверждение Хольвега о «феодальной дезинтеграции» (стр. 87, ср. стр. 158). Комнины вовсе не проводили политику «дезинтеграции». В этом, между прочим, убеждает ход социальной борьбы в империи. Хольвег лишь вкратце упоминает о мятежах знати при Алексее I, тогда

мог быть расширен за счет сигиллографического материала и, в частности, печатей с изображением святых воинов. Из Комнинов-гражданских лиц нужно было назвать паракимомена Иоанна, одного из высших чинов при Иоанне II. Ряд фамилий, находившихся в родстве с Комнинами, не назван вовсе, как-то: потомки Иоанна-Владислава, Докианы, Синадины, Цикандилы, Арвандины, Лапарда, Катакуруяны. Куртики и Касиоты названы, однако, о их родстве с Комнинами не говорится.

¹⁸ См. Я. Н. Любарский, Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 10, 480, прим. 318; А. П. Каздан. Братья Айфеодориты при дворе Мануила Комнина.— ЗРВИ, IX, 1966, стр. 85 и особенно: «История Византии», т. II. М., 1967, стр. 300.

¹⁹ См. об этом также: Н. Glykatzis-Ahrweiler. Les fortresses construits en Asie Mineurs face à l'invasion seldjucide.— «Actes des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960, S. 184.

²⁰ А. П. Каздан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 129 и сл.